

Он перебирал в уме возможные причины и пришёл к выводу, что в переменах, произошедших с Чжоу Сывэем, виновата только одна вещь — та самая вырезанная надпись, которую тот увидел в тайном укрытии у пруда.

Этот человек всегда был честным и простодушным. А теперь, потеряв память и наткнувшись на такую надпись, он мог вообразить себе всякую чушь.

Именно поэтому он и ляпнул, что злодей Цзян Ува — его возлюбленный.

Цзян Жунъи решил, что его долг — вернуть Чжоу Сывэя на путь истинный.

Но как это сделать?

Цзян Жунъи пошевелил пальцами. В нём зашевелилось что-то неуёмное.

Когда-то он уже прикасался к нему рукой...

Мысль промелькнула в голове, и, больше не колеблясь, он прямо откинул полы одежды Чжоу Сывэя и запустил руку внутрь.

Чжоу Сывэй совершенно не ожидал такого поворота. Глаза его широко распахнулись.

— !

Рука Цзян Жунъи была холодной, а тело Чжоу Сывэя — обжигающе горячим.

Их столкновение породило невероятные последствия.

Цзян Жунъи отчётливо ощутил, как предмет, зажатый в его ладони, с невероятной скоростью стал твёрдым.

— М... — тело Чжоу Сывэя напряглось, и он выпалил поспешный отказ. — Не надо!

Цзян Жунъи не послушался и пошевелил рукой.

Чжоу Сывэй тяжело выдохнул и перехватил запястье Цзян Жунъи.

Мир перевернулся, и они поменялись местами.

Теперь Цзян Жуньи оказался внизу, а его беспокойные руки были прижаты к голове.

От такого резкого движения и без того распахнутый ворот сполз с плеча.

Чжоу Сывэй закрыл глаза, пытаясь унять необычное возбуждение в теле. Когда он снова открыл их, перед ним была обнажённая белая грудь.

Тело культиватора, омываемое духовной энергией неба и земли, редко имело изъяны.

Но на левой стороне груди Цзян Жуньи виднелся шрам.

Чжоу Сывэй, не сдержавшись, протянул руку и отодвинул ткань, обнажив весь безобразный рубец.

Шрам пересекал всю левую половину груди, похоже, нанесённый мечом. Края раны вывернулись наружу, она всё ещё заживала: плоть была розовой и нежной. На фоне гладкой, как нефрит, кожи вокруг он выглядел особенно жутко.

Это была смертельная рана, должно быть, пронзившая сердце.

Сердце Чжоу Сывэя дрогнуло. Откуда ни возьмись, его захлестнула волна раскаяния.

Он протянул руку, чтобы коснуться шрама, но едва прикоснувшись к неровной плоти, тут же отдернул её.

— П-прости! — только и смог выдавить Чжоу Сывэй.

— А? — теперь уже Цзян Жуньи опешил.

Извинившись, Чжоу Сывэй с невероятной скоростью покинул комнату, оставив Цзян Жуньи одного.

Цзян Жуньи немного полежал на кровати, глядя в потолок, и лишь когда оголённая грудь ощутила прохладу, пришёл в себя и привёл одежду в порядок.

Почему всё так вышло?

Он погрузился в растерянность.

Почему этот Чжоу Сывэй всегда действует не по шаблону?

Цзян Жунъи подумал немного, но так ничего и не понял, а потом просто закрыл глаза и заснул.

Спал он крепко, но Чжоу Сывэй, отделённый от него лишь стеной, не сомкнул глаз всю ночь.

Проснувшись, Цзян Жунъи умылся, оделся и первым делом отправился искать Чжоу Сывэя.

Он подошёл к двери и постучал в соседнюю комнату. Ответа не последовало.

Подождав немного, он просто толкнул дверь.

Комната была пуста. Одеядо на кровати аккуратно сложено — ясно, что на ней никто не спал.

Чжоу Сывэй уже ушёл.

Цзян Жунъи не стал волноваться. Он понял, что Чжоу Сывэй просто стесняется и не хочет встречаться с ним с утра пораньше, поэтому неторопливо пошёл на место проведения Собрания Звёзд.

По дороге он встретил Тянь Хуа.

Тянь Хуа сменил одежду, но в руках по-прежнему держал тот же веер. С улыбкой на лице он подошёл заговорить:

— Не хотите пойти вместе?

Цзян Жунъи вспомнил события прошлой ночи и невольно рассердился. Он просто обошёл Тянь Хуа стороной, не обратив на него внимания.

Тянь Хуа не обиделся. Он последовал за Цзян Жунъи, и они вместе пришли на место проведения собрания.

Там уже собралось немало народу.

Цзян Жунъи окинул взглядом толпу и заметил Чжоу Сывэя.

Тот стоял в одиночестве на краю людской массы. Возможно, из-за его бесстрастного лица никто не решался подойти.

Цзян Жунъи не спешил к нему — всё равно скоро они встретятся лицом к лицу на арене,

поэтому принялся непринуждённо болтать с Тянь Хуа.

Тянь Хуа спросил:

— Я так и не узнал вашего имени?

Цзян Жунъи ответил:

— Фамилия — твой, имя — отец.

Услышав эту насмешку, Тянь Хуа лишь равнодушно заметил:

— Шутить изволите.

И тут же переспросил:

— Вы — Цзян?

Фамилия Цзян была слишком чувствительной. Десятый Владыка магического пути тоже носил фамилию Цзян, что невольно заставило Тянь Хуа заподозрить этого человека.

Задав этот вопрос, он не сводил глаз с Цзян Жунъи, пытаясь найти на его лице следы уязвимости.

— О? — Цзян Жунъи приподнял бровь. — Если я — Цзян, то почему ты не можешь быть Тянь?

— Разумеется... — Тянь Хуа машинально хотел ответить «могу», но на полуслове понял, что Цзян Жунъи пытается его поддеть, и резко сменил курс: — Шутить изволите.

Цзян Жунъи покосился на него:

— А что же ты не смеёшься?

Тянь Хуа расхотелось что-либо выведывать. Ему хотелось только одного — держаться от этого типа подальше.

К счастью, раздался тягучий звон колокола, спасший Тянь Хуа от неловкости.

Начался второй раунд турнира.

На двадцати пяти аренах одновременно начались поединки.

Цзян Жунъи поднялся на арену согласно номеру на жетоне. Его противником оказался Чжоу Сывэй.

Они стояли друг напротив друга.

Один — изящный, как ветер и луна, другой — величественный и статный. Они привлекли множество взглядов из-под арены.

Недаром говорили, что Павильон Звёзд — самая искусная в зарабатывании денег школа. Во время турнира Собрания Звёзд они не только продавали билеты посторонним, но и заранее открыли тотализатор, принимая ставки на того, кто займёт первое место.

Цзян Жунъи тоже не удержался и поставил, отвалив немало духовных камней. Разумеется, он поставил на то, что Чжоу Сывэй станет первым.

В силе Чжоу Сывэя сомневаться не приходилось.

Они некоторое время смотрели друг на друга на арене, а внизу зрители начали галдеть:

— Давай!

— Побыстрее разделайся с ним!

Но на них никто не обращал внимания.

— Ты... — оба заговорили одновременно.

Чжоу Сывэй сказал:

— Говори первым.

Цзян Жунъи спросил:

— Ты сделал ставку?

Чжоу Сывэй думал, что Цзян Жунъи скажет что-то важное, но тот, прождав полдня, выдал вот это.

Он покачал головой:

— Нет.

— Ну и хорошо. — Цзян Жунъи улыбнулся. — Я поставил на то, что ты будешь первым. Давай.

Чжоу Сывэй не хотел сражаться с Цзян Жунъи и собирался сразу сдаться:

— Я сда...

Но Цзян Жунъи оказался быстрее:

— Ай, я упал.

Цзян Жунъи с театральной наигранностью прислонился к краю арены, схватился за грудь и, не таясь, подмигнул Чжоу Сывэю.

Сбитый с толку, Чжоу Сывэй не успел произнести «Я сдаюсь».

Цзян Жунъи сказал:

— Я сдаюсь.

Зрители внизу почувствовали себя обманутыми, один за другим принялись освистывать, выгоняя участников с арены.

Цзян Жунъи ничуть не смутился. Он принял свист за похвалу и даже помахал рукой вниз.

Хотя это и отдавало жульничеством, но раз участник собственноручно произнёс слова сдачи, поединок засчитали.

На световом экране над площадью вспыхнул свет, и имя Цзян Жунъи исчезло. Остался только Чжоу Эргоу.

Спустившись с арены, Чжоу Сывэй преградил Цзян Жунъи путь.

Цзян Жунъи поддразнил его:

— А я думал, ты не хочешь меня видеть.

Чжоу Сывэй вспомнил события прошлой ночи и мгновенно покраснел до ушей:

— Я...

Видя, что тот мнётся, Цзян Жунъи спросил прямо:

— Что ты хотел сказать?

Чжоу Сывэй думал всю ночь и к утру решил объясниться с Цзян Жунъи: у него уже есть человек, который ему нравится, и он не может переменить свои чувства, так что ему придётся отвергнуть эту искреннюю привязанность.

Но когда он оказался перед Цзян Жунъи, все заготовленные слова вылетели из головы. Он не мог вымолвить ни слова и только выдавил:

— Я займу первое место.

После целого дня жестоких боёв на арене осталось лишь двадцать пять победителей.

После короткой передышки предстоял последний раунд Собрания Звёзд, в котором предстояло определить победителя, занести его имя в Список скрытых драконов Поднебесной.

Правила последнего раунда были просты — битва за удержание трона.

Занявший первое место культиватор стоял на арене, а остальные двадцать четыре по очереди бросали ему вызов. Если кто-то побеждал лидера, то сам становился хозяином арены. Если же никто не мог одолеть его, то этот культиватор получал корону Собрания Звёзд.

Битва на истощение, если вдуматься, несправедлива, но все, кто попадал в Список скрытых драконов Поднебесной, были гениями необычайного таланта. Один против десяти или сотни для них было обычным делом.

Если бы они не могли этого сделать, то и не попали бы в Список скрытых драконов.

Большинство культиваторов знали правила Собрания Звёзд. После короткого шума они притихли и устремили взоры на того, кто занимал первое место.

Тянь Хуа, ставший хозяином арены, с улыбкой на лице, ничуть не смущаясь, невозмутимо помахивал складным веером.

Перед началом последнего раунда, который привлёк всеобщее внимание, Павильон Звёзд

устроил пир, пригласив гостей со всех сторон.

Участвовать могли все культиваторы, вошедшие в первую сотню. Их угощали духовными плодами и духовным вином, а также вручали тщательно подготовленные Павильоном Звёзд подарки.

Беседки и павильоны над водой, резные перила и нефритовые ступени.

Павильон Звёзд всегда был невероятно богат. Даже светильники, использовавшиеся для освещения, были сделаны из свечей русалок, вытопленных из их плоти и крови. Эти свечи горели тысячелетиями, не гаснув, а их аромат успокаивал дух и собирал мысли.

Эта вещь, достойная считаться сокровищем, передаваемым из поколения в поколение, здесь использовалась лишь для того, чтобы освещать пиршество с бесчисленными кубками.

Цзян Жунъи глубоко вздохнул и сразу почувствовал себя бодрым и свежим. Он опустил взгляд на фрукты на маленьком столике.

Ого, Павильон Звёзд всё так жеставлял напоказ своё богатство.

Все плоды были столетними духовными фруктами. Съев один, можно было увеличить свою культивацию на десять лет.

Он взял белый персик. Ещё не поднеся его ко рту, он уже уловил сладкий аромат. Персик был размером с ладонь, так что пришлось надкусывать его с краю.

Мякоть персика была белой, нежной и тонкой, с лёгким розоватым оттенком. Стоило откусить, как из него тут же, словно торопясь, вытекал прозрачный сок.

Мягкий, сочный, с насыщенным фруктовым ароматом.

Чжоу Сывэй взглянул мельком и не смог больше отвести глаз.

Дело было не в персике, а в том, кто его ел.

Сочный сок окрасил бледные губы, словно на них нанесли слой прозрачного блеска, так и хотелось попробовать, каков он на вкус.

Цзян Жунъи почувствовал на себе жаркий взгляд, который скользил по его лицу. Он подумал, что это кто-то его проверяет, но обернувшись, увидел сидящего рядом Чжоу Сывэя.

— Что, тоже хочешь персик? — Цзян Жунъи с вредным видом высунул кончик розового языка и облизнул уголок губ.

Чжоу Сывэй тут же перестал смотреть, выпрямился и принял важный вид, словно ничего не случилось.

Цзян Жунъи фыркнул и продолжил есть свой персик.

Этот пир можно было назвать удачным для всех — и хозяев, и гостей.

Когда время перевалило за середину, культиваторы в зале начали переговариваться:

— Интересно, удастся ли увидеть истинное лицо главы Павильона Звёзд?

— Вот именно. Третья красавица в Списке красавиц Поднебесной — интересно, как она выглядит?

— А я считаю, что этот Список красавиц — сплошная выдумка. Те, кто в нём значатся, вроде Небесной девы из Белого Нефрита или главы Павильона Звёзд — это фигуры, до которых не добраться. Даже если они безобразны, как соль, мы всё равно их не увидим!

Один из культиваторов, выпив лишнего, осмелел и начал обсуждать внешность главы Павильона Звёзд. Он думал, что его поддержат, но не ожидал, что после его слов весь зал погрузится в тишину.

Культиватор решил, что нарушил табу. Он не только протрезвел, но и покрылся холодным потом, не смея произнести больше ни слова.

Издали донеслись звуки струнных инструментов.

Вошла группа служанок, неся в руках шкатулки, выложенные парчой. Они расставили их перед каждым культиватором.

Когда служанки разошлись, вошла высокая стройная женщина.

Её облик был изящным и спокойным. Когда она приблизилась, нельзя было сказать, что она затмевает всех своей красотой, но она производила впечатление глотка родниковой воды в летнюю жару, принося телу необыкновенное облегчение.

Девятая красавица в Списке красавиц Поднебесной — фея Павильона Звёзд, Мужун Ляньсинь.

Личная ученица главы Павильона Звёзд, а также бывшая невеста Чжоу Сывэя.

На самом деле, в этом рейтинге Мужун Ляньсинь была не без греха. Когда-то четыре последние красавицы из Списка красавиц Поднебесной таинственно исчезли — ни живых, ни мёртвых. Пришлось заменить их другими четырьмя.

Мужун Ляньсинь с трудом попала в девятые красавицы только благодаря своим прежним отношениям с Чжоу Сывэем.

Но её известность была куда больше, чем у предыдущих. История о ней и Чжоу Сывэе разнеслась по всем уголкам мира культиваторов.

Почти каждый, упоминая Мужун Ляньсинь, отзывался о ней так: женщина с узким кругозором, поднявшая кунжутное семечко и уронившая арбуз, неблагодарная белая волчица.

Возможно, из-за этой шумихи и сплетен Мужун Ляньсинь, чей талант был неплох, всё время топталась на месте, застряв на одном уровне. Уже почти сто лет она не могла прорваться.

Как только Мужун Ляньсинь вошла, её сразу узнали.

Под звуки музыки послышался приглушённый шум, время от времени прорывались смешки:

— Это она?

— Та самая женщина, бывшая невеста главы секты Верховного Развития.

— Ц-ц-ц, интересно, жалеет ли она теперь о том, что натворила?

Культиваторы считали, что переговариваются тайно, но Мужун Ляньсинь слышала каждое слово. За сотни лет она наслушалась всяких гадостей, и теперь эти слова больше не трогали её. С невозмутимым видом она поднялась на главное место.

Мужун Ляньсинь взяла со стола кубок и, обращаясь к сидящим внизу культиваторам, произнесла:

— Первый кубок — от имени Павильона Звёзд всем молодым и многообещающим культиваторам.

После этих слов все замолчали. Они могли насмехаться над Мужун Ляньсинь, но не могли насмехаться над такой громадиной, как Павильон Звёзд. Один за другим они подняли кубки в ответ.

Когда первый кубок был выпит, Мужун Ляньсинь снова наполнила белый нефритовый кубок и повернулась к сидящему ближе всех Тянь Хуа:

— Второй кубок — от имени учителя победителю Собрания Звёзд.

Тянь Хуа всё это время шёл с большим отрывом, и пока никто не мог его превзойти, так что назвать его первым было не ошибкой.

Однако Тянь Хуа не ожидал такого поворота. Спустя мгновение он всё же поднял кубок, чокнулся по воздуху и с чувством произнёс:

— Красавица, прекрасное вино, чудесный вид — как тут не выпить три больших кубка?

Сказав это, он действительно с удовольствием осушил три кубка подряд.

Целью Собрания Звёзд на самом деле было привлечение перспективных культиваторов.

Тянь Хуа по официальной версии был рассеянным культиватором без школы и секты, одним из тех, кого Мужун Ляньсинь хотела завербовать.

Видя, что Тянь Хуа так хорошо понимает, что к чему, Мужун Ляньсинь улыбнулась ему и тоже осушила свой кубок до дна.

Цзян Жунъи всё это время наблюдал за происходящим. Заметив взаимодействие между Мужун Ляньсинь и Тянь Хуа, он не удержался и толкнул локтем сидящего рядом.

Чжоу Сывэй, не понимая, повернулся.

Цзян Жунъи поманил его пальцем, жестом приглашая наклониться.

Чжоу Сывэй подвинулся:

— Что случилось?

Цзян Жунъи хихикнул:

— Не чувствуешь, что голова слегка позеленела?

Чжоу Сывэй не понял, что значит «зеленеет», и изобразил на лице недоумение. Цзян Жунъи любезно объяснил, указав на двух человек наверху.

Чжоу Сывэй проследил за его пальцем.

Мужун Ляньсинь и Тянь Хуа оживлённо беседовали.

Одна хотела завязать знакомство, другой намеренно льстил; одна была трогательной и нежной, другой — элегантным кавалером. Смотрелись они довольно гармонично.

Чжоу Сывэй нахмурился.

При виде этой женщины его охватило неприятное чувство.

Но её лицо было очень знакомым, словно он видел её раньше.

Он отвёл взгляд, и тут же в голову ударила боль, а в сознании всплыли несколько картинок.

Чжоу Сывэй сосредоточился на этих воспоминаниях, даже не заметив, как опрокинул стоящий перед ним кубок.

Это был день, когда бушевал ветер и лил дождь.

Чжоу Сывэй потерял родителей и родных. Его духовное ядро было разрушено злодеями, и вся духовная энергия, накопленная за годы культивации, обратилась в прах. Он стал обычным человеком.

Обычным человеком, который больше не мог совершенствоваться.

Маленькому Чжоу Сывэю некуда было идти, и он, сжимая в руке залог помолвки, отправился искать убежища в семье своей невесты.

Разумеется, Чжоу Сывэй не собирался заставлять невесту выполнять брачный договор — он уже потерял свой талант к культивации и не мог допустить, чтобы невинная девушка пошла за ним, делая с ним все тяготы жизни простого смертного.

Он просто хотел найти пристанище. Что касается помолвки, он, конечно, собирался её расторгнуть.

Но никак не ожидал, что Чжоу Сывэя выгонят слуги, даже не впустив в дом семьи невесты.

— Тьфу! Что за грязь и дрянь повадились к нам побираться! — слуги толкали маленького мальчика, не скрывая раздражения.

Чжоу Сывэй уже несколько дней ничего не ел, был слаб, и от одного толчка упал на землю. Нефритовый диск выскользнул у него из рук.

Увидев это, слуги, испугавшись, что на них падёт ответственность, с руганью ушли.

Чжоу Сывэй не мог подняться. Он посидел на земле, набираясь сил, и когда собрался встать, из-за спин слуг, прячась, выскользнула девушка.

— Ляньсинь! — Чжоу Сывэй узнал свою маленькую невесту. В прошлом они тоже встречались несколько раз и перекинулись парой слов.

Служанка рядом с ней плюнула:

— Имя госпожи не для твоего поганого рта!

Мужун Ляньсинь взглянула на служанку, и та замолчала, не решившись сказать ничего более грубого.

— Ты... — Мужун Ляньсинь со сложным выражением лица смотрела на Чжоу Сывэя. В те редкие встречи он всегда выглядел как наследник знатного рода, никогда не был таким жалким.

Он внезапно рухнул с небес в грязь. Столь огромная пропасть оказалась невыносимой для Мужун Ляньсинь.

— Мы уже не из одного мира! — Мужун Ляньсинь сначала колебалась, но увидев его воочию, стёрла и эти сомнения. — Между нами нет никаких отношений, не говоря уже о... помолвке.

Последние два слова — «помолвка» — она произнесла тихо и быстро, словно боясь, что кто-то услышит.

Чжоу Сывэй тупо смотрел на красивое лицо девушки.

— Вот именно, не думай, что сможешь примазаться к госпоже. — Служанка презрительно фыркнула. — Ты теперь просто никчёмный отброс, а госпожа в будущем станет бессмертной!

На этот раз Мужун Ляньсинь не остановила служанку. Возможно, это было именно то, что она хотела сказать, просто воспитание не позволяло ей высказаться напрямую, и она говорила устами служанки.

— Эти серебряные монеты оставь себе. — Мужун Ляньсинь положила несколько слитков

серебра. — Считай, что мы не знали друг друга.

Мужун Ляньсинь поспешно ушла, не желая иметь ничего общего с этим валяющимся на земле отбросом. Она выйдет замуж только за несравненного господина, а не за нынешнего Чжоу Сывэя.

<http://bllate.org/book/22488/2371117>